

И сердце и душа соотносятся не только с эмоциональной сферой жизни человека, но и с его интеллектуальной сферой. Многие древние культуры не делали различия между чувствами и мыслями. Человек, который «позволяет сердцу управлять головой», считался скорее разумным, чем глупым [6, с. 87–88; 9, с. 91–92]. В Библии сердцу приписаны все функции сознания: мышление, волеизъявление, ощущение, эмоции, совесть [6, с. 87–88]. По словам апостолов, совесть есть закон, написанный в сердце [8, с. 138–140]. Согласно этому «закону» объясняется жизненная позиция человека: «...как человек мыслит своим сердцем, таковым он и является» [9, с. 91–92].

В кумыкском языке душевная сущность человека отображается во фразеологизмах: *Адамлыкъ эки зат буландыр: бириси – юрек, бириси – тил* ‘Человечность проявляется в двух вещах: первое – сердце, второе – язык’; *Юрекге гелген сѣз башына да гелур* ‘Что на сердце, то и на языке’ [10].

В ряде мифологических традиций существует представление о загробном суде душ. Ритуал взвешивания сердца определяет нравственные достоинства человека [6, с. 87–97]. Образ весов присущ английской картине мира, где на одной чаше находится сердце, на другой – благодеяния человека, приравненные к его благосостоянию (*In just and equal measure all is weighed, One scale contains the sum of human weal, And one, the good man's heart.* Shelly. Queen Mab) [6, с. 87–97].

Таким образом, сердце – центр жизни человека. Как отмечает Б. П. Вышеславцев, «сердце – это центр круга, из которого могут исходить бесконечно многие радиусы, или световой центр, из которого могут исходить бесконечно разнообразные лучи. Поэтому сердце – это центр жизни вообще: духовной, психической, физической. Оно участвует в выражении различных видов деятельности сознания, таких, как память, интуиция, мышление и т. д.» [11, с. 273].

Центральность данного органа подтверждается языковым материалом разных языков: коми *сьѓмѓс* ‘середина’, ‘сердцевина’; чеч. *дог* ‘сердцевина’; англ. *heart* ‘сердцевина’, ‘ядро’, ‘центр’; рус. *сердце* от старослав. *средо* ‘середина’, ‘сердцевина’; эст. *süda* ‘середина’, ‘центр’.

В селькупском языке в разные исторические периоды учеными были зафиксированы наименования сердца в следующих вариантах: (А. Р.) тым. *sidke* [12, с. 26]; (С.-Л.) *sit's'i* [13, с. 462]; (Ja) Ту. *sīd'* [14, с. 139]; (R) ТаУ *sīče*, ТуМ *sīd'*, Ке. *sīd'e*, *sīče'* [15, с. 477]; (А.) *s'īd'i* [16, с. 58]; (D.) кет. *s'id'e*, *s'itt'e*; об. С *sīdja*, *sit'*, *sedit*, *sed'*, *sede*, *sec'*, *s'ed'*, *s'ez'*; об. Ш *šīd'el*, *šīd'imīd*, *šīte*, *šīd'e*, *š'id'el*, *š'id'*; об. Ч *χ'iz'*, *iž'e*, *iž'e*, *iž'eda*; тым. *siz'e*, *š'ič'*; вас. *š'id'e*, *š'id'*, *š'it'e*; ел. *s'ič'a*; тур. *sīč'i*, [17, с. 27, 211, 221, 270, 297].

Встречаются следующие примеры употребления ангионима: тым. *mat sizəm qoşqaly eza* ‘мне с сердцем плохо стало’, об. С *sed'eu qüzən* ‘мое сердце болит’, *sed'eβim manan ebaut* ‘мое сердце сжимается’, *sedeβ mota* ‘мое сердце бьется’; кет. *s'itt'eβ ipqənnit* ‘мое сердце сжимается’, кет. *s'itt'em qüzun* ‘мое сердце болит’; вас. *na qunan šīd'et fa ek* ‘у этого человека хорошее сердце’, об. Ш *šīd'el manan sažima'etsa* ‘мое сердце сжимается’; об. Ш *kut' š'id'* ‘сердце человека’; об. Ч *χ'iz' n'iqəbatpa* ‘сердце колотится’, *mat χ'iz'em tužβan, ludβannə* ‘моё сердце забилося, заколотилось’; об. Ч *mannan iž'emda əpqaibat* ‘у меня сердце сдавило’.

Селькупское слово ‘сердце’ восходит к общесамодийской основе *sejə* ‘сердце’, ‘мужество’ (ne, mt), которая была реконструирована на основе соответствий в самодийских языках: ng (C) *soa*, (M) *sə / en* (C) Ch. *seo*, В. *seijo* / jr (P) *cei* / neT (T) *cei*, (L) О *šei*, der. (kar., vn) (T) *ceiŋyda* ‘трусливый’ / neW (L) Nj. *šej*, der. Kis. aor. sg. 3. *š'ej'ŋə* ‘быть мужественным’ / sk (D) Ту. *sīd'* / km (D) А *suij*, F *sī / kb* (Sp) *cei* / mt (Sp) + px sg. I. *keem* id., der. (cp., neW) *keiŋta* ‘смелый’, phras. *kedы naгайга* ‘несмелый’ / tg (P) (? + px sg. 3) *keim*, (A mskr.) + px sg. I. *kéim* / kg (P) + px sg. 3. *geiude* [14, с. 139].

Общесамодийская основа *sejə* связана с уральской праформой *šidä (-mз)* (*šüdü (-mз)*) ‘сердце’. Форму ангионима, похожую на селькупскую находим в мордовском языке морд. Е *šed'ej*, *šed'ej*, М *šed'i* ‘сердце’ [15, с. 477].

Наименования сердца в селькупском языке по структуре лексемы отличаются от такового в других самодийских языках. Отличие заключается в том, что селькупская лексема имеет более сложную морфологическую структуру, ср. (Rédei) нен. О *šej*; эн. Ch. *seo*, В *seijo*; нган. *sa*, *soa*; камас. *sī*; сельк. *s'id'e*, *sīč'i*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в селькупских диалектах имеется наименование сердца в форме об. Ч *iž'e*. Разложив на морфемы слово *sīt's'i*, зафиксированное М. А. Кастреном, и *s'id'e*, *sīč'i*, распространенные в современных диалектах, и приняв во внимание долготу гласного *ī*, видим, что оно состоит из элементов *si* + *it's'i* (*id'e*, *ič'e*). Первый элемент слова совпадает с камасинским *sī*, второй – с наименованием сердца *iž'e* (*id'ž'e*).

Представляется, что общесамодийское наименование сердца вошло в селькупский язык с бытовавшим наименованием, которое сохранилось в диалекте чумылькупов до настоящего времени. В остальных диалектах оно было вытеснено вновь образовавшимися формами ко времени письменных фиксаций. Равным образом можно поделить на морфемы *sīd'a* – *si* + *id'a*, *sīča* – *si* + *iča*. Долгота гласного *ī* является результатом стяжения двойного гласного на стыке морфем. Таким образом,

селькупское наименование сердца представляло собой сложное слово: сердце + сердце. В другом диалекте наименование сердца об. Ш *šidimjđ*, сохраняет структуру сложного слова, в котором выделяются компоненты, имеющие самостоятельное значение *šidj* ‘сердце’ + *mjđ* ‘печень’. Словосложение является продуктивным способом словообразования соматической лексики в разных языках. Так, наличие сомонимов, образованных по такой же модели, отмечают в кетском языке – *šitábu* / *ščitápu* (Сл 2, Срсл), (X) *šitápu*; ар. (М, Сл, Срсл, Кл) *šenougbu*, (X) *šenebo*, асс. (М, Сл, Срсл, Кл) *šitábu* / *ščitápu* (Кл) ‘сердце’, где компонент *-pu*, *-bu*, *-bo* соответствует кет. *hu*·, юг. *fu*, пумп. (Сл, Срсл) *pfu* «сердце» [18, с. 80]. В нганасанском языке сомоним *мибаңой* ‘селезенка’ образован из *миба* (косвенный вариант основы *мита* ‘печень’) и *ңой* ~ *ңуой* ‘нога’ [19, с. 7], в селькупском языке *šidel* ‘сердце’ < *šid* ‘сердце’ + *el* ‘душа’.

Смысловое содержание второго элемента слова *ĩž'e* сохранилось в производной лексике в других диалектах: ел. *ittarqo* ‘жалеть’, ‘беречь’; *ittar'it'ij* ‘бережливый’; *ittarle* ‘бережливо’; аналогичное явление отмечается в ненецком языке, ср. (С.) *seai*, *siei* ‘сердце’; *seañau*, *sañáu* ‘жалеть’, ‘сочувствовать’ [20, с. 235].

Таким образом, присущая диалектам лексема *ĩž'e*, *id'e*, **ittá* (не сохранилось как самостоятельное слово) ‘сердце’ растворилась во вновь образовавшейся форме *sĩž'e*, *sid'e*, последняя уже воспринимается в синхронии как простое слово.

Аффрикаты претерпели изменения, деаффрикатизация прошла в направлении сохранения сибиланта *t's' > s'*, *t'ž' > ž' > ž' > ž'* [21, с. 22].

Для анлаутных согласных выделяются междиалектные соответствия: 1) *s ~ š*, *s' ~ š'* (*s'id' ~ šit'*); 2) *s ~ χ*, *s' ~ χ'* (*s'id'a ~ χ'ĩže*); 3) *ø ~ χ'* (*ĩž'e ~ χ'ĩž'*). Эти междиалектные соответствия являются регулярными, повторяются в следующих случаях: об. С, кет. *sábaka* – об. Ш *šebekka* ‘бурундук’; кет. *šikte* – об. Ч *χigətá* ‘блоха’; об. С *sed* – об. Ш *šed* ‘два’. В случае с наименованием сердца звуковые соответствия выстраиваются в ряд *s ~ š ~ χ ~ ø*, но лишь на синхронном срезе. Исторически *sič'* и *ĩž'e* – разные слова, обозначающие сердце. Полагаем, что чередование *ø ~ χ* развилось позже.

Наименование сердца об. Ч *ĩž'e* в одном из диалектов омонимично имени фольклорного героя *It'e*, *Ič'a*, *Id'e*, *It'a*, которое одновременно является наименованием тотема тым. *ič'e*; вас. *χ'id'e*; об. Ч *χ'ĩž'* ‘мизгирь’, ‘паук’ [22, с. 135]. Для данного ряда слов восстанавливается регулярное чередование *ø ~ χ*.

Сердце издавна символизировало душу. Сердце в народных представлениях считаетсяместилищем души и ее заместителем [6, с. 97]. Фактиче-

ский материал селькупского языка свидетельствует о том, что слову *s'ič'*, *χ'ĩž'* свойственно значение ‘душа’ – об. Ч *mat χ'ĩž'eq fañ al'č'ekala* ‘у меня на душе (букв. на сердце-моём) хорошо станет’.

Кроме того, лексема *s'ič'*, *χ'ĩž'* имеет значение ‘грудь’, что, вероятно, связано с расположением сердца. В других языках для наименования данной части тела используются отдельные лексемы.

В одном из диалектов селькупского языка наименование сердца совпадает с наименованием печени (коровы), ср. об. С *sedit* ‘сердце’, *s'edet*, *s'et* ‘печень (коровы)’, в другом наименование сердца включает в себя наименование печени об. Ш *šidimjđ* < *šidj* ‘сердце’ + *mjđ* ‘печень’. Подобные случаи отмечаются и в других языках мира, например в иранских языках *dilu hugar* (букв. ‘сердце печень’) употребляется в значении ‘ближайший’, *magzu hugar* (букв. ‘сердцевина печени’) – в значении ‘душа’ [23]. В других языковых картинах мира сердце связывается чаще с желудком, внутренностями вообще, животом или легкими и входит в качестве самостоятельного слова в устойчивое словосочетание или в качестве составного компонента в сложное слово, например: англ. *heartburn* ‘изжога’, *to eat heartily* ‘есть с аппетитом’; чеч. *догкарчар*, *догкерчар* ‘тошнота’, *дог-нах* ‘внутренности (человека и животного)’, ‘требуха (букв. сердце и легкие)’ [3, с. 42–44]; эвенк. *эмугдэ* ‘внутренности’, ‘сердце’, ульч. нан. *хэмдэ*, *эмугдэ* ‘живот’, ‘брюхо’ [24, с. 40]; манс. *сым этгалакве* ‘проголодаться’ (букв.: сердце сохнет); хант. V *səmət welli*, Vj. *səmət welsi*, Trj. J *səmət wälli*, DN Kг. *sətem wettáj*, Ni. Š *sətem wəχta*, Kaz. *sətem wəχla* ‘я голоден’ (букв.: сердце=мое зовет); каз. *səmlıw šı wəχlájıt* ‘мы хотим есть’ (букв.: сердца=наши зовут), *səmel šı jöwääläı* ‘он голоден’ (букв.: сердце=его вот свернется) [1, с. 120]. В некоторых языках сердце связано с органом «язык» или с его функцией – общение, говорение. Например, в адыгейском языке слова *гу* ‘сердце’ и *бзэ* ‘язык (как средство общения, речь)’ входят в лексему *бзэгу*, имеющую значение ‘язык – орган речи’, важнейший орган речевого аппарата человека, а также является словообразовательным компонентом таких слов, как *гуцыл* ‘слово’, *гуцылэжь* ‘поговорка’, *гуцылэухыгъ* ‘предложение’ [25, с. 14]. Селькупские лексемы *s'ič'*, *χ'ĩž'* образуют подобное семантическое поле [26, с. 29–32].

В селькупском языке ангионим вошел в словосочетание об. С *sed'yi küstəmə* ‘сердечная боль’, а также в устойчивое сочетание тым. *oten ižä* ‘пульс’ (букв. *oten* ‘руки’ + *ižä* ‘сердце’). Подобным словосочетанием ‘сердце руки’ ханты идентифицируют пульс человека и животных: V. Vj *köt-sam* Kaz. *jəs-säm*, *jäs-sam* ‘пульс, артерия’, но Тег. *wör ler* ‘пульс’ (букв.: сосуд крови) [1, с. 122]. В кетском

языке *həŋŋəŋt-hü* 'пульс на руке', (букв. 'сердце руки' < *həŋŋəŋ* 'рука' + *-t* (формант генитива) + *hü* 'сердце' [18, с. 139].

В ходе исторического развития наименование сердца в селькупском языке претерпевало изменения, которые проходили в сторону упрощения

сложных форм. При этом можно выделить основные формы слова *s'ič'*, *χ'iž'*. Данные лексемы имеют также значения 'душа', 'грудь'. Ангионим 'сердце' участвует в образовании слов, обозначающих некоторые чувства, эмоции человека и проявления функций сердца.

Список сокращений:

Англ. – английский язык, вас. – васюганский диалект, вн. – верхненемецкий язык, дарг. – даргинский язык, ел. – елогуйский говор, кам. – камасинский язык, кет. – кетский диалект, манс. – мансийский язык, морд. – мордовский язык, нган. – нганасанский язык, нем. – немецкий язык, нен. – ненецкий язык, об. С – обские говоры Сюсюкум, об. Ч – обские говоры Чумылькуп, об. Ш – обский говор Шёшкуп и Шёшкуп, пумп. – пумпольский язык, рус. – русский язык, сельк. – селькупский язык, таз. – тазовский диалект, тадж. – таджикский язык, тат. – татарский язык, тур. – туруханский говор, тым. – тымский диалект, удм. – удмуртский язык, ульч. – ульчский язык, хант. – хантыйский язык, чеч. – чеченский язык, эв. – эвенкийский язык, эн. – энецкий язык, эст. – эстонский язык, юг. – югский язык, А. Р. – Asia Poliglotta [Donner, K. Samojedische Wörterverzeichnisse. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1932. 307 S.], С.-Л. – М. А. Castrén, T. Lehtisalo [Castrén, M. A. Samojedische Sprachmaterialien / M. A. Castrén, T. Lehtisalo. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1960. 462 S.], R. – K. Rédei [Rédei, K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Lieferung 5. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. S. 477], Ja. – J. Janhunen [Janhunen, J. Samojedischer Wortschatz (Gemeinsamojedische Etymologien). Helsinki, 1977. 186 S.], А. – Я. Алатало [Алатало, Я. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Хельсинки, 1998. 149 с.], D. – K. Donner [Donner, K. Samojedische Wörterverzeichnisse. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1932. 307 S.].

Список литературы

1. Рябчикова З. С. Соматическая лексика хантыйского языка: дис... канд. филол. наук. СПб., 2007. 238 с.
2. Алдиева М. Ш. Соматическая лексика чеченского языка в сопоставлении с английской: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Грозный, 2009. 18 с.
3. Вахрушева Н. А. Соматические фразеологизмы в островных немецких говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 16 с.
4. Гасанова У. У. Лексика и словообразование хайдакского диалекта даргинского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 2011. URL: <http://www.dissers.ru>
5. Егоров А. В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010. 19 с.
6. Пименова М. В. Символические признаки концептов (на примере моделей «сердце – Бог», «сердце – солнце» и «сердце – жертва») // Новое в когнитивной лингвистике: мат-лы I Междунар. науч. конф. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике». Кемерово: КемГУ, 2006. С. 782–786.
7. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пос. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издат. центр «Академия», 2001. 208 с.
9. Горчаков Г. С. Символизм в культуре. Томск: Твердыня, 2007. 328 с.
10. Сулаева Ж. А. Пословичная концептуализация мира в кумыкском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 2011. URL: <http://www.dissers.ru>
11. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса. М.: Республика, 1994. 368 с.
12. Donner K. Samojedische Wörterverzeichnisse. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1932. 307 S.
13. Castrén M. A. Samojedische Sprachmaterialien / M. A. Castrén, T. Lehtisalo. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1960. 462 S.
14. Janhunen J. Samojedischer Wortschatz (Gemeinsamojedische Etymologien). Helsinki, 1977. 186 S.
15. Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Lieferung 5. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. S. 477.
16. Алатало Я. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Хельсинки, 1998. 149 с.
17. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. проф. В. В. Быконя Томск: Издательство ТГПУ, 2005. 348 с.
18. Клопотова Е. А. Соматическая лексика енисейских языков: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 181 с.
19. Большдт Е. П. Именное словообразование нганасанского языка. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 96 с.
20. Castrén M. A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1855. 404 S.
21. Морев Ю. А. Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирский гос. ун-т. Томск, 1973. 25 с.

22. Быконя В. В. Фрагменты духовной культуры селькупов в наименованиях мифических образов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 4 (55). С. 133–140.
23. Сакаева Л. Р. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, антропоцентрической направленности (на материале русского, английского, таджикского и татарского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2009. URL: <http://www.dissers.ru>
24. Болдырев Б. В. Суффиксы имен существительных, обозначающих части тела (на материале эвенкийского языка) // Исследования по языкам Сибири (Сборник научных трудов). Новосибирск, 1976. С. 28–51.
25. Чич Б. А. Субстанциальность и метафоричность концепта «сердце» – «гу» в языковой картине мира (на материале русского и адыгейского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2010. 16 с.
26. Персидская А. С. Лингвокультурологический аспект анализа элемента соматической системы «сердце» в селькупском языке // Иностранные языки и межкультурная коммуникация в развивающемся пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Мат-лы IV Всерос. науч.-практ. заочной конф. с междунар. участием (27 ноября 2009 г.). Томск: Изд-во «Ветер», 2009. 82 с.

Персидская А. С., ст. преподаватель, аспирант.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: PersidskayaAS@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 21.12.2012.

A. S. Persidskaya

DENOMINATION OF HEART IN SELKUP DIALECTS (COMPARATIVE ANALYSIS)

The article is devoted to the etymologic and semantic analysis of the word 'heart' in Selkup, along with the word-formation capability of the word.

Key words: *Selkup, somatic vocabulary, denomination of heart.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: PersidskayaAS@tspu.edu.ru